

Глава I

Я ПОЯВЛЯЮСЬ НА СВЕТ

В самом начале своего жизнеописания я должен упомянуть о том, что родился я в пятницу, в полночь. Замечено было, что мой первый крик раздался, когда начали бить часы. Принимая во внимание день и час моего появления на свет, сиделка и несколько мудрых соседей, живо интересовавшихся моей особой еще за много месяцев до возможного личного знакомства со мной, объявили, что мне суждено быть несчастным в жизни. Они были убеждены, что такова неизбежно судьба всех злосчастных младенцев обоего пола, родившихся в пятницу, в полночь.

Мне нет надобности говорить здесь что-либо по этому поводу, ибо история моей жизни сама покажет лучше всего, оправдалось ли это предсказание или оно было ложным.

Родился я в Блондерстоне, в графстве Суффолк, после смерти моего отца, глаза которого закрылись для земного света за шесть месяцев до того, как мои открылись. И теперь даже, когда я думаю об этом, мне кажется странным, что отец так никогда и не видел меня. И еще более странны мои смутные воспоминания раннего детства, связанные с отцовским белым надгробным камнем на нашем деревенском кладбище: я всегда чувствовал какую-то невыразимую жалость к этому камню, лежащему одиноко во мраке ночи, в то время как в нашей маленькой гостиной

было так светло и тепло от зажженных свечей и горящего камина. Порой мне казалось даже жестоким, что двери нашего дома накрепко запираются, как будто именно от этого камня.

Самой важной персоной в нашем роду была тетка моего отца, стало быть, моя двоюродная бабушка, о которой вскоре мне придется немало говорить здесь. Тетка, мисс Тротвуд, или мисс Бетси (как звала ее моя матушка в те редкие минуты, когда ей удавалось, преодолевая свой страх, упоминать об этой грозной особе), вышла замуж за человека моложе себя, красавца, не оправдавшего, однако, поговорки: «Красив тот, кто красиво поступает». Его сильно подозревали в том, что иногда он бил мисс Бетси, а однажды, в пылу спора по поводу денежных дел, он вдруг дошел до того, что едва не выбросил ее из окна второго этажа. Такое красноречивое доказательство несходства характеров побудило мисс Бетси откупиться от своего муженька и получить развод по взаимному соглашению. С добытым таким образом капиталом бывший супруг мисс Бетси отправился в Индию, и там, по нелепой семейной легенде, его однажды видели едущим на слоне в обществе павиана. Как бы то ни было, десять лет спустя из Индии дошли слухи о его смерти.

Какое впечатление произвели эти слухи на тетушку, осталось для всех тайной, ибо она немедленно после развода приняла снова свое девичье имя, купила себе домик где-то далеко, в деревушке на берегу моря, поселилась там одна со служанкой и с тех пор вела жизнь настоящей отшельницы.

Мне кажется, что отец мой был когда-то любимцем тетки, но он смертельно оскорбил ее своей женитьбой на «восковой кукле», как мисс Бетси называла мою матушку. Она никогда не видела моей матери, но знала, что ей нет и двадцати лет. Женившись, отец мой больше никогда с теткой не встречался. Он был вдвое старше матушки и здоровья далеко не крепкого. Умер отец год спустя после свадьбы и, как я уже упоминал, за шесть месяцев до моего рождения.

Таково было положение вещей в важную для меня, чреватую последствиями пятницу, после полудня. Матушка сидела у камина; ей нездоровилось, и настроение у нее было очень подавленное. Глядя сквозь слезы на огонь, она в глубоком уны-

нии думала о себе и о крошечной неведомой сиротке, которую мир, видимо, собирался встретить не очень-то гостеприимно.

Итак, в ясный ветреный мартовский день матушка сидела у камина, со страхом и тоской думая о том, удастся ли ей выйти живой из предстоящего испытания, как вдруг, утирая слезы, она увидела в окно идущую через сад незнакомую леди.

Матушка еще раз взглянула на леди, и верное предчувствие сказало ей, что это мисс Бетси. Заходящее солнце из-за садовой ограды озаряло своими лучами незнакомку, направлявшуюся к дверям дома, и шла она с таким самоуверенным видом, с такой суровой решимостью во взоре, которых не могло быть ни у кого, кроме мисс Бетси. Приблизившись к дому, тетюшка представила еще одно доказательство того, что это была именно она: мой отец часто говаривал, что тетка его редко поступает, как обыкновенные смертные. И на этот раз, вместо того чтобы позвонить, она подошла к окну и стала глядеть в него, прижав так сильно нос к стеклу, что, по словам моей бедной матушки, он у нее моментально сплюснулся и совсем побелел.

Появление ее чрезвычайно напугало мою мать, и я всегда был убежден, что именно мисс Бетси я обязан тем, что родился в пятницу. Взволнованная матушка вскочила со своего кресла и забилась позади него в угол. Мисс Бетси, медленно и восторженно вращая глазами, подобно турку на голландских часах, обводила ими комнату; наконец взор ее остановился на матушке, и она, нахмурившись, повелительным жестом приказала ей открыть дверь. Та повиновалась.

— Вы, полагаю, миссис Копперфильд? — спросила мисс Бетси.

— Да, — пролепетала матушка.

— Мисс Тротвуд, — представилась гостья. — Надеюсь, вы слышали о ней?

Матушка ответила, что имела это удовольствие. Но у нее было неприятное сознание, что это «великое» удовольствие отнюдь не отражается на ее лице.

— Так вот, теперь вы видите ее перед собою, — заявила мисс Бетси.

Матушка поклонилась и попросила ее войти. Они прошли в маленькую гостиную, откуда только что вышла матушка, ибо в парадной гостиной не был затоплен камин, вернее сказать, он не топился с самых похорон отца.

Когда обе они сели, а мисс Бетси все не начинала говорить, матушка, после тщетных усилий взять себя в руки, расплакалась.

— Ну-ну-ну, — торопливо сказала мисс Бетси. — Оставьте это! Полноте! Полноте же!

Однако матушка не могла справиться с собой, и слезы продолжали литься, пока она не выплакалась.

— Снимите свой чепчик, дитя мое, — вдруг проговорила мисс Бетси, — дайте-ка я погляжу на вас.

Матушка была слишком перепугана, чтобы не покориться этому странному требованию, и тотчас же сняла чепчик, при этом она так нервничала, что ее густые, чудесные волосы совсем распустились.

— Боже мой! — воскликнула мисс Бетси. — Да вы совсем ребенок!

Несомненно, матушка даже для своих лет была необычайно моложава. Бедняжка опустила голову, словно в этом была ее вина, и, рыдая, призналась, что, быть может, она слишком молода и для вдовы и для матери, если только, став матерью, она останется в живых.

Наступило снова молчание, во время которого матушке почудилось, что мисс Бетси коснулась ее волос, и прикосновение это было как будто ласково. Матушка с робкой надеждой взглянула на тетку мужа, но та, приподняв немного платье, поставила ноги на решетку камина, охватила руками колени и, нахмурившись, уставилась на пылающий огонь...

— Скажите, ради бога, — вдруг неожиданно заговорила тетушка, — почему это «Грачи»?

— Вы говорите о нашей усадьбе? — спросила матушка.

— Почему именно «Грачи»? — настаивала мисс Бетси. — Конечно, вы назвали бы свою усадьбу как-нибудь иначе, будь хотя б у одного из вас на грош здравого смысла.

— Название это было дано мистером Копперфильдом, — ответила матушка. — Когда он купил эту усадьбу, ему нравилось, что кругом много грачиных гнезд.

В этот момент вечерний ветер так загудел среди старых вязов, что и матушка и мисс Бетси невольно поглядели в ту сторону. Вязы склонились друг к другу, словно великаны, перешептывающиеся между собой; затихнув на несколько секунд, они снова яростно заметались, размахивая своими косматыми ручищами, как бы взволнованные только что полученными ужасными вестями. А старые грачиные гнезда, выдавшие на своем веку немало непогод, раскачивались на верхних ветвях, подобно обломкам корабля на бурных морских волнах.

— Но где же птицы? — спросила мисс Бетси.

— Что? — рассеянно откликнулась матушка.

— Грачи... что с ними случилось? — допрашивала мисс Бетси.

— Да за все время нашей жизни их вовсе и не было здесь, — ответила матушка. — Мы думали... мистер Копперфильд думал, что в этой усадьбе множество грачей, но, видимо, гнезда слишком стары и грачи давно покинули их.

— Дэвид Копперфильд весь тут, с головы до ног! — воскликнула мисс Бетси. — Назвать усадьбу «Грачи», когда и близко-то нет и единого грача, только потому, что он видел грачиные гнезда.

— Мистер Копперфильд умер, — дрожащим голосом сказала матушка, — и если вы осмелитесь дурно говорить о нем...

Тут у матушки, мне кажется, промелькнуло желание броситься на тетушку, которая без труда могла бы справиться с нею одной рукой, даже будь бедняжка и в лучшем состоянии, чем в этот вечер. Но не успела матушка подняться, как порыв этот мгновенно угас. Она смиренно опустила в кресло и лишилась чувств. Когда матушка пришла в себя, или, вернее, когда ее привела в чувство мисс Бетси, она увидела тетушку стоящей у окна.

Сумерки уже сменились ночной тьмой, и обе женщины видели друг друга только благодаря горевшему камину.

— Ну, хорошо, — проговорила мисс Бетси, возвращаясь на свое место, словно она на секунду только подходила взглянуть в окно. — Когда же вы ожидаете?

— Я вся дрожу, — промолвила чуть слышно матушка. — Уж не знаю, что со мной... Наверно, я умру...

— Нет! Нет! — отрезала мисс Бетси. — Выпейте чаю.

— Ах, боже мой, боже мой! Вы думаете, что это действительно поможет мне? — пролепетала матушка.

— Конечно, поможет. Ведь все это у вас одно воображение... Как звать вашу девочку?

— Но я еще не знаю, мэм, будет ли это девочка, — просто-душно сказала матушка.

— Настоящий ребенок! Ведь я же не об этом говорю! — нетерпеливо воскликнула мисс Бетси. — Я имела в виду вашу служанку.

— Ее зовут Пиготти, — пояснила матушка.

— Пиготти?!¹ — повторила с каким-то негодованием мисс Бетси. — Неужели, дитя мое, вы хотите уверить меня, что какое-либо существо на свете могло при крещении получить имя Пиготти?

— Это ее фамилия, — слабым голосом отозвалась матушка. — Мистер Копперфильд звал ее по фамилии, потому что у нас с нею одинаковое имя.

— Эй, Пиготти! — крикнула мисс Бетси, распахивая дверь гостиной. — Чаю! Вашей хозяйке что-то нездоровится. Только живей!

Отдав это приказание таким тоном, словно она повелевала в этом доме с самого его основания, мисс Бетси выглянула в дверь, чтобы убедиться, идет ли Пиготти, — и, увидев, что та, пораженная незнакомым голосом, уже шла по коридору с зажженной свечой, захлопнула дверь и уселась по-прежнему: приподняла платье, поставила ноги на решетку камина и охватила колено руками.

— Вы говорите, что, быть может, это будет девочка, — начала мисс Бетси, — а я так не сомневаюсь, что будет именно девочка, предчувствую это. И вот, дитя мое, с момента появления этой девочки...

¹ Бабушка Дэвида Копперфильда считала, что «Пиготти» — языческое имя, потому что слово «пэген» по-английски значит «язычник». (*Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*)

— А может быть, и мальчика, — осмелилась заметить матушка.

— Говорю вам; у меня есть предчувствие, что это должна быть девочка. Не противоречьте!.. С момента появления этой девочки я намерена, дитя мое, стать ее другом. Хочу быть ее крестной матерью и прошу вас назвать ее Бетси Тротвуд-Копперфильд. У этой Бетси Тротвуд не должно быть ошибок в жизни. Над ее, бедняжки, чувствами не будут уж издеваться. Ей нужно дать хорошее воспитание, ее надо будет хорошенько предостеречь от того, чтобы она безрассудно не доверяла там, где не следует доверять. Уж это будет моя забота.

После каждой фразы мисс Бетси покачивала головой, словно припоминая свои собственные старые обиды и, видимо, с трудом удерживаясь от желания сказать о них больше. Так, по крайней мере, показалось матушке при слабом свете мерцающего камина.

Помолчав немного, мисс Бетси мало-помалу перестала качать головой и вдруг спросила:

— Дитя мое, был ли добр к вам Дэвид? Дружно вы жили с ним?

— Мы были очень счастливы, — ответила матушка, — мистер Копперфильд был даже слишком добр ко мне.

— Наверно, он избаловал вас? — допрашивала тетушка.

— Боюсь, что да: он избаловал меня, и теперь, снова оставшись одна в этом суровом мире, снова предоставленная самой себе, я это очень чувствую, — рыдая, промолвила матушка.

— Ну, не плачьте же! Вы не подходили друг к другу, и вообще едва ли возможно это на свете, — вот почему я и задала вам такой вопрос. Вы ведь были сирота, не правда ли?

— Да.

— И гувернантка?

— Я служила бонной в семье, где бывал мистер Копперфильд. Он мне выказывал много доброты и внимания и в конце концов сделал мне предложение. Я дала свое согласие, и мы повенчались, — простодушно рассказала матушка.

— Ах, бедная крошка! — задумчиво проговорила тетушка, продолжая, нахмурившись, смотреть в огонь. — А умеете ли вы что-нибудь делать?

— Простите, мэм, я вас не понимаю, — пробормотала матушка.

— Ну, например, вести хозяйство.

— Боюсь, что я мало смыслю в этом, — призналась матушка. — Не так, как бы мне хотелось. Но мистер Копперфильд учил меня...

— Да много ли сам он смыслил в этом! — перебила мисс Бетси.

— А все же я думаю, что при моем старании и его терпении я выучилась бы, если б не это великое несчастье — его смерть...

Тут рыдания не дали матушке закончить фразу.

— Не надо! Не надо! — уговаривала мисс Бетси.

— Я аккуратно вела свою расходную книгу, и каждый вечер мы с мистером Копперфильдом подсчитывали расходы... — прорыдала матушка, снова впадая в отчаяние.

— Ну, довольно же! Довольно! Не надо плакать! — продолжала уговаривать мисс Бетси.

— И у нас из-за этого никогда не бывало ни малейшего недоразумения, разве только иногда мистер Копперфильд упрекал меня за то, что мои тройки похожи на пятерки, а хвостики моих семерок не отличить от хвостиков девяток, — заливаясь слезами, закончила матушка.

— Вы доведете себя таким образом до болезни, — заметила мисс Бетси, — и это, знаете, будет плохо и для вас и для моей крестницы. Полноте же! Не надо так!

Эти доводы заставили матушку несколько успокоиться, хотя, видимо, здесь еще большую роль сыграло все возраставшее недомогание. Наступило молчание, время от времени прерываемое лишь какими-то восклицаниями мисс Бетси, — она все продолжала сидеть у камина, поставив ноги на решетку.

Наконец тетушка снова заговорила:

— Я знаю, что Дэвид на свои деньги приобрел пожизненную ренту. А что, скажите, сделал он для вас?

— Мистер Коппефильд был так добр и заботлив, что часть доходов с этой ренты завещал мне, — с трудом ответила матушка.

— Сколько? — спросила мисс Бетси.

— Сто пять фунтов стерлингов¹ в год.

— Ну что ж! Он мог поступить и хуже! — заметила тетушка.

Это слово «хуже» соответствовало моменту. Матушке стало настолько хуже, что Пиготти, которая пришла с чайным прибором и свечами, сейчас же это бросилось в глаза. Конечно, мисс Бетси заметила бы это и раньше, будь в комнате посветлее. Тут Пиготти без дальних слов увела свою хозяйку наверх, в ее комнату. Затем она немедленно послала за сиделкой и доктором своего племянника, Хэма Пиготти, которого вот уже несколько дней держала в доме тайком от матушки на случай экстренной нужды.

Доктор и сиделка — эти «союзные державы» — явились почти одновременно. Они были очень удивлены при виде незнакомой леди величественного вида, которая, восседая у камина, со шляпкой, висевшей на левой руке, набивала себе уши ватой. Так как Пиготти ничего не знала о ней, а матушка ни слова не сказала, то появление незнакомки казалось таинственным. То обстоятельство, что у нее в кармане был целый склад ваты, которой она не переставала затыкать себе уши, несколько не умаляло важности ее вида.

Доктор поднялся наверх, к матушке, а потом спустился. Предвидя, что ему, быть может, придется провести несколько часов в обществе незнакомой леди, он старался быть как можно вежливее и общительнее. Доктор был самым кротким, самым мягким человеком на свете. Входя и выходя из комнаты, он обычно проскальзывал бочком, стремясь занять как можно меньше места. Ходил он тише и медленнее, чем тень в «Гамлете»², и, быть может, еще бесшумнее, а говорил так же тихо, как и ходил.

Мистер Чиллип (так звали доктора), склонив голову набок, кротко поглядывал на тетушку, а затем, коснувшись своего левого уха, очевидно намекая на вату, с легким поклоном спросил:

— Какое-то местное раздражение, мэм?

— Что-о? — отозвалась тетушка, вытаскивая из одного уха, словно пробку, комок ваты.

¹ Фунт стерлингов — английская золотая монета; во времена, описываемые Диккенсом, равнялась приблизительно 10 рублям.

² В трагедии Шекспира «Гамлет» датскому принцу Гамлету является тень его убитого отца и требует, чтобы Гамлет отомстил его убийцам.

Мистер Чиллип, как потом рассказывал матушке, до того был ошеломлен резкостью ее тона, что удивительно, каким образом он при этом не потерял самообладания и смог кротко повторить свой вопрос:

— Какое-то местное раздражение, мэм?

— Что за вздор! — оборвала его тетушка, снова закупоривая себе ухо.

После этого мистеру Чиллипу оставалось лишь сесть и беспомощно уставиться на тетушку, глядевшую в огонь камина. И так сидел он до тех пор, пока его не позвали наверх. Через какие-нибудь четверть часа он вернулся.

— Ну? — проговорила тетушка, вытаскивая вату из того уха, которое было ближе к доктору.

— Ну что же, мэм, — ответил мистер Чиллип, — мы... мы понемножкудвигаемся, мэм.

— Э-эх... — с полнейшим презрением вырвалось у тетушки, и она опять закупорила себе ухо.

Тут мистер Чиллип, по его словам, действительно был почти возмущен, и возмущен именно как врач. Тем не менее он около двух часов продолжал сидеть и смотреть на тетушку, глядевшую в огонь, пока его еще раз не позвали наверх. Через некоторое время он вернулся.

— Ну? — спросила тетушка, вытаскивая вату из того же уха.

— Ну что же, мэм, — ответил мистер Чиллип, — мы... мы понемножкудвигаемся, мэм.

— Э-эх... — протянула тетушка таким сердитым тоном, что мистер Чиллип не смог уже выносить дольше; он предпочел отправиться на лестницу и сидел там, в темноте, на сквозняке, до тех пор, пока за ним снова не прислали.

Хэм Пиготти, посещавший народную школу, большой знаток катехизиса, а потому свидетель, заслуживающий доверия, рассказывал на следующий день, как он имел несчастье час спустя после описанной сцены полуоткрыть дверь в гостиную. Здесь, очень взволнованная, расхаживала из угла в угол мисс Бетси. Заметив мальчика, она мгновенно набросилась на него, и он стал ее жертвой. Очевидно, вата недостаточно плотно закупоривала ее уши, и когда, сверху, из комнаты матушки, более явственно,

доносилось топанье ног и голоса, мисс Бетси вымешала на несчастном Хэме избыток своего волнения: она, держа за ворот куртки, безостановочно заставляла его маршировать из угла в угол, затыкала ему уши ватой, очевидно принимая их за свои собственные, и вообще всячески тормошила и тиранила его.

Все это отчасти было подтверждено его теткой, Пиготти, видевшей Хэма в половине первого ночи, сейчас же после его освобождения. Она уверяла, что племянник ее был не менее красив, чем я.

Добрый доктор вообще не был злопамятен, а в такой момент и подавно. Как только мистер Чиллип, в свою очередь, освобожден, он бочком пробрался в гостиную, где была тетушка, и с самым добродушным видом сказал ей:

— Ну, мэм, я счастлив, что могу поздравить вас.

— С чем? — резко спросила тетушка.

Суровость мисс Бетси снова смутила мистера Чиллипа, и, чтобы как-нибудь смягчить ее, он, улыбаясь, поклонился.

— Господи, помилуй! Да что же творится с этим человеком! — с раздражением воскликнула тетушка. — Немой он, что ли?

— Успокойтесь, мэм, — проговорил мистер Чиллип самым сладким голосом, — теперь больше нет оснований тревожиться. Успокойтесь же!

Впоследствии считалось почти чудом, что тут тетушка не схватила доктора за шиворот и не вытрясла из него то, что он должен был сказать, а лишь ограничилась тем, что потрясла собственной головой, правда, так потрясла, что у бедняка душа ушла в пятки.

— Ну вот, мэм, я счастлив поздравить вас, — заговорил мистер Чиллип, собравшись с духом. — Все кончено, и благополучно кончено.

Все пять минут, или около этого, пока мистер Чиллип собирался и произносил эту речь, тетушка пристально разглядывала его.

— Как она чувствует себя? — спросила тетушка, скрестив руки; на левой из них продолжала болтаться шляпка.

— Надеюсь, мэм, что вскоре она будет себя чувствовать совсем хорошо, — ответил мистер Чиллип, — настолько хорошо, насколько может себя чувствовать юная мать при таких

печальных семейных обстоятельствах. Теперь нет никаких препятствий к тому, чтобы вы с ней повидались. Это, быть может, даже принесет ей пользу.

— А «она»? Как «она»? — с суровым видом продолжала спрашивать тетушка.

Мистер Чиллип, склонив набок голову, посмотрел на тетушку, словно ласковая ручная птичка.

— Новорожденная здорова? — переспросила тетушка.

— Но я предполагал, мэм, что вы уже знаете: это мальчик.

Тетушка не проронила ни единого слова, но, схватив шляпу за ленты, хлопнула ею по голове мистера Чиллипа. Затем, напялив смятую шляпку себе на голову, мисс Бетси вышла и исчезла, как разгневанная фея. Никогда уже больше она здесь не появлялась, да, никогда...

Я лежал в своей корзинке, матушка — на кровати, а Бетси Тротвуд-Копперфильд навеки осталась в той стране снов и теней, откуда я только что явился. Луна, светившая в окно нашей комнаты, заливала своим светом одновременно и жилища многих таких же, как я, новых пришельцев земли и холмик с прахом человека, без которого мне никогда бы не появиться на свет...

Глава II

Я НАБЛЮДАЮ

Первое, что рисуется передо мной, когда я оглядываюсь на далекие дни моего раннего детства, это матушка с ее красивыми волосами и юным видом. Потом — Пиготти; она какая-то бесформенная, глаза у нее так темны, что бросают тень на лицо, а руки и щеки до того тверды и красны, что я удивляюсь, почему птицы не клюют их вместо яблок.

Мне кажется, что я припоминаю, как матушка и Пиготти на некотором расстоянии от меня присели или стоят на коленях, а я неуверенными шажками расхаживаю от одной к другой. Я как сейчас вижу перед глазами и даже ощущаю шероховатый от шитья, как терка, указательный палец Пиготти, когда она